

Ю. В. Селезнев *

**ВЛАСТЬ ОРДЫНСКОГО ХАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ КНИЖНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ «СКАЗАНИЯ О НАШЕСТВИИ ЕДИГЕЯ»
И «ПОСЛАНИЯ ЕДИГЕЯ» ВАСИЛИЮ I)**

ПЕРИОД КОНЦА XIV – начала XV в. традиционно рассматривается в историографии как переломный период в русско-ордынских отношениях¹. Это связано с началом открытой борьбы русских княжеств с татарами. Причем противниками становятся не только отдельные отряды ордынских князей, но и лица, наделенные верховными владетельными правами. Это либо сами ханы, либо действующие от их имени беклярибеки, фактические правители государства в тот или иной период.

Анализ оценок событий указанного периода связывается исследователями, в первую очередь, с памятниками так называемого «Куликовского цикла». Данные произведения посвящены одному из наиболее ярких событий того времени – битве на устье Непрядвы, на Куликовом поле, войск московского великого князя Дмитрия и ордынского темника Мамаю. Исследователи, такие как В. Ф. Ржига, М. А. Салмина, Л. А. Дмитриев, Ю. К. Бегунов, Я. С. Лурье² и ряд других, рассмотрели источниковые аспекты произведений, а также их идейную направленность.

Однако произведения «Куликовского цикла» представляют собой памятники разновременного происхождения. Они создавались с момента битвы вплоть до XVI столетия. Идейное содержание тех или иных произведений менялось в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации на Руси, от развития отношений с осколками Джучиева улуса, от изменения идеологических установок в обществе. Кроме того, как показано в исследовании А. И. Филюшкина, «на про-

---

* Селезнев Юрий Васильевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Воронежского государственного университета.

¹ См. например: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 313.

² Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х гг. XIV в. // Повести о Куликовской битве. М., 1959; Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 140–155; Он же. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959; Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла; Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи. ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 183–197; Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла; Борисов Н. С. Воздействие Куликовской битвы на русскую культуру конца XIV–XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 123–139; Лурье Я. С. Борьба с Ордой и церковно-политические отношения конца XIV в.: источниковый аспект // Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 131–168.

тяжении времени изображение Куликовской битвы в литературных источниках менялось, переосмысляясь в духе мифологем своего времени»³.

Между тем, на наш взгляд, можно выделить ряд произведений, которые будут отражать идейные характеристики русско-ордынских отношений именно в период 1370–1420-х гг.

В частности, публицистическим произведением, отразившим оценочные характеристики русско-ордынских отношений того времени является «Сказание о нашествии Едигея», которое в исследовательской литературе принято делить на ряд повестей⁴, а также завершающее в ряде летописей описание ордынского вторжения послание (или ярлык) Едигея Василию Дмитриевичу.

Относительно «Сказания», в первую очередь выделяется московская великокняжеская традиция, которая восходит в основном к рассказу об этих событиях в Троицкой летописи⁵. Она немногословна в оценках нашествия Едигея. Здесь лишь отмечается, что «Всеблагий же и милостивъ и человеколюбецъ богъ услыша скорбь людехъ своихъ и молитвъ и моления и въздыхания ихъ не презри, но обычнымъ своимъ человеколюбиемъ помилова люди своя, от безбожныхъ Измаилтянъ избави... а самъ (Едигей – Ю. С.) со всею силою поиде месяца декабря в 20 день, во нь же празнують память преставления Петра митрополита новаго чудотворца Русского. Мню бо, яко и того молитва еже ко господу богу избави люди и град от толикаго нужа и беды, належащая на них... Яко же и великий христовъ мученикъ Дмитрей избавляше многажды град свои Селунъ от нахожения Срацинъ, тако же и сему граду и людемъ сущимъ в немъ дасть богъ сицеваго святителя заступати и спасати могуща от всехъ злыхъ находящихъ на насъ»⁶.

То есть, по мнению автора, решающую роль сыграла молитва жителей Москвы и объявленного в памятнике чудотворцем митрополита Петра.

В отличие от данной версии в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца читается «Повесть о нашествии Едигея», которая восходит, по всей вероятности, к особой редакции свода 1408 г., доведенной до 1412 г. и составленной, видимо, в Твери⁷. При этом, как отметил Я. С. Лурье, автор данной версии памятника не столько информирует о событиях, сколько оценивает их⁸. Именно оценка событий интересует нас в первую очередь.

Автор повести в начале рассказа подчеркивает, что нашествие «беззаконныхъ измаилтянъ» напрямую связано с греховным поведением русских людей: «Се же слышавъ, князь великий Василей Дмитриевичъ печалень бысть прилучивъшаяся ради скорби в Руси, *грех ради нашихъ* (Здесь и далее выделено автором – *Ред.*), занеже изначала *беззаконни измаилтяне* лукавень миръ счиниша с русскими князми нашими... И въ той разности нашей сами в тайне покрадаютъ нас, самояднии волци христианскимъ людемъ обретаются научениемъ отца ихъ Сатаны»⁹. При этом, «Лукавии же *измаилтяне* не можаху завистию зрети толика посещения человеколюбца Бога на христоименитыхъ людехъ. Завистию поджигаемы бывахуть,

³ Филюшкин А. И. «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 185.

⁴ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч.2. С. 197–200.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 238–239.

⁷ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея. С. 198.

⁸ Там же.

⁹ Сказание о нашествии Едигея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 6. С. 242.

не тръпяхуть зрети исполнения земля Русския и благовременства христианьска, многажды покушашеся приити разорити таковыа красота величестива и славу отъргнути христоименитых людей; того ради съ князми нашими лукавень миръ съставиша. Ограждениемъ же пречистыя Богоматере недоволни бывахуть приити на ны. Егда же възбраннаа Воевода наша избавляша нас, *тогда многих злых обычаи греховных оставляти обещаваемся и пакы забыте от правды заблуждаем, врѣху власть прегрешений наших обретаемся*. Того ради господу Богу наказующу нас и посещающу жезлом безакония наша, по пророку. Безаконии бо агаряне волчески всегда подкрадают нас, злохитрено мируютъ с нами»¹⁰.

«Тако бо, наказая нас, Господь низложи гордыню нашу»¹¹, – подводит своеобразный итог автор. Ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5: 5)

Здесь особо необходимо подчеркнуть, что русская земля уже не рассматривается как тотально наказываемая за множество грехов. Русь предстает как миром укрощаемая и добротами преисполненная, а христиане благоденствуют в правление Василия I («Боголюбивому и православному самодрѣзцу великому князю Василью Дмитриевичю, столь русския хоругви дрѣжащу, и христиане благоденствовахуть в дрѣжавѣ его, и земля Русская миром укрощаема в сихъ добродѣхъ исполнився благоцвѣтающе»¹²). Все это расценивается как проявление милости Божьей («Лукавии же измаилтяне не можаху завистию зрети толика *посещенна человеколюбца Бога на христоименитых людехъ*»).

То есть, нашествие Едигея рассматривается как наказание Бога за отступление от истинной веры (выражающейся, например, в гордыне), как напоминание о необходимости праведной жизни тем, кто об этом забыл.

Показательно, что ордынцы при этом выступают в повествовании не только и не столько как орудие Божьего промысла, а как слуги дьявола («обретаются научением отца их Сатаны»).

Одновременно, как орудие зла татары вообще и Едигей в частности «любовь злохитреную стяжа к Васильеву... миръ глубоко злохитро поставляше»¹³ и «Зломысленый же Едигей, иже иногда завыйся отцомъ Васильеву, яд же аспидень подъ устнами его скрывая...»¹⁴.

Немаловажным фактором в оценке событий конца 1408 г. служит идея прощения грехов. Автор «Повести...» пишет: «И въсплакашася вси людие предъ Богомъ, глаголющее и припадающее зело: “Не предаждь зверем душа раб твоих, Владыко! Аще и съгрѣшихом ти, но за имя твое святое еще пощади нас, Господи!”...Благый же убо Человеколюбецъ, иже не до конца прогневайся, виде печаль людий своих и покаания слезы, въскоре утешаетъ их, помянувъ милость стаду своему: величавого и гордаго Едигея агарянина въскоре устраши, наложи на иизмаилтянина страх высокия и страшныа руки своя»¹⁵.

Далее отмечается: «Видете же Человеколюбца и разумеите высокую и страшную силу! Аще и даст врагом нашим время приити на ны, *ранами смиряя неправды наша*, милости же своя не отведе до конца: *аще и озоба нас вепрь от дуга, и инокъ дивий пояде нас*, но корень благочестия не исторже»¹⁶. Причем,

¹⁰ Сказание о нашествии Едигея. С. 242, 244.

¹¹ Там же. С. 250.

¹² Там же. С. 242.

¹³ Там же. С. 244.

¹⁴ Там же. С. 248.

¹⁵ Там же. С. 250.

¹⁶ Там же. С. 252.

данное рассуждение тесно связано с положениями 79 псалма: «Господи, Боже сил! Доколе будешь гневен к молитвам народа Твоего? ...Положил нас в прерикание соседям нашим, и враги наши издеваются над нами. Боже сил! Восстанови нас; да воссияет лицо Твое, и спасемся! ...*Лесной вепрь подрываете, и полевой зверь объедает ее*». (Пс. 79: 5, 7–8, 14). То есть, автор подразумевал, что греховное поведение русских людей послужило причиной нашествия иноземцев. Однако раскаяние даст прощение и избавление от ордынцев, что в полной мере соотносится с библейскими установками. Причем отмеченная выше идея прощения грехов тесно связывается с мотивом их искупления (Бог «*ранами смиряя неправды наша*»).

Кроме того, необходимо отметить, что рефреном через все повествование проходит идея о том, что действия Василия I не находят поддержки у бояр его отца – Дмитрия Донского. В частности автор, возвращаясь к недавним событиям русско-литовского противостояния 1406–1408 гг., отмечает: «И на Плаву приходиша противу собе, тогда же и татарове приидоша къ Плаве в помощь Руси. Старцы же сего не похвалиша, глаголющее: “Добра ли се будет дума юных наших боярь, иже приведша половец на помощь? Не сихъ ради преже Киеву и Чернигову беды прилучишася, иже имеющее брань межи собой, поднимающее половцы на помощь, наважаху брать на брата, да и первое наимуче ихъ, серебро издавшее из земли своея. А половцы, исмотривше русский наряд, по сем самим сдолоша. Да не будет ли си на пакость земли нашей на прочая дни, егда измаилите, усмотривша наша земля, на ны придуть? Яко же не бысть ся!”». Причем в Тверском сборнике читается буквально дословно совпадающее рассуждение об ордынской помощи русским войскам¹⁷, что может служить дополнительным аргументом в пользу того, что рассматриваемая редакция «Повести...» была составлена именно в Твери¹⁸.

Далее автор пишет: «Князи же, истомившее воя, перемирие взяша, а гневу межи има не легчае бывшу, а томления многа подъяша обои. Не бяшетъ бо в то время на Москве боярь старых, но юнии свещахуть о всемъ: темъ и многа в нихъ не в чинъ строения бывахуть»¹⁹.

Столь же осудительно звучат рассуждения о передаче ряда русских городов, в том числе «многославного» Владимира литовскому перебежчику Свидригайло: «Сего же старцы не похвалиша, глаголющее: “Можетъ ли се добро бытии, его же въ дни наша несть бывало, ни от древних слышано, иже толико градовъ дати пришелицю-князю в землю нашу, наимаче и стол Русскы земля, многославный Володимеръ, мати градомъ?!”»²⁰.

В завершении повествования автор приводит следующее высказывание: «Мы же сим учащееся, таковая вся приключьшася въ дни наша не приминухом, властодержецъ наших дозрящих сих, таковым вѣщем да внимають: юнии старцевъ да почитаютъ и сами едини без искуснейших старцев всякого земскаго

¹⁷ Русские летописи. Т.6. Рогожский летописец. Тверская летопись. Рязань. 2000. С. 457.: «Старцы же сие видевше не възлюбиша зело: “добра ли се будет дума юныхъ нашихъ боярь, иже приведрша Татаръ на помощь? не сихъ ли ради и Киеву и Чернигову беды приключишася, иже когда имущи брань со собою, и подымаючи Половец навожаху на ся, да и пръвое бо наимуюче ихъ серебро издаша изъ земля своеа, а инии же смотриша наряди Рускыа и самемъ издолеша; да не како Татарове съсмотретья наряда земля наша, и въсхотятъ сами приити на ны, якоже бысть ся”».

¹⁸ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 244, 246.

²⁰ Там же. С. 246.

правления да не самочиннують, ибо “красота граду есть старчество”. Рече бо Писание: “Вспроси отца твоего, възвестить ти, и старца твоя, рекут ти”. Къ сим же еще и пророка да блюдутъ, когда Иерусалиму рекша старца и съветника ради»²¹. Последние слова – это прямая цитата из Библии: «Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; воспроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе». (Вт. 32: 7).

Любопытны сведения, повествующие о событиях рязанской уособицы 1408 г. отложившиеся в тверской редакции «Повести о побоище Рязанском». Тогда, непосредственно перед большим нашествием на Москву, Едигей направил отряд в помощь пронскому князю для захвата столицы Рязанского княжества. Летописец отмечает, что после смещения рязанского князя Федора «...князь же великий Василий Московский доа помощь зятю своему князю Федору Ольговичу, *старци же се не похвалиша*, и иже не сложив к Пронскому, ратью послати на нь, *се бо здумаша бояре юнии...*». Причем, при описании дальнейших событий, автор подчеркивает, что Божественное покровительство получает именно пронский князь. В частности, во время битвы с москвичами «Проньский князь взреве на небо, и рече: “виждь Боже, и призри на лице правды Твоеа, и разсуди прю мою от восстающих на мя”. И рече дружине своей: “потягнем, о дружино, яко не хочет Бог силе констей, не благоволит же в властех мужеских; но спасает уповающая на нь”»²².

В этих словах нашли отражение ряд псалмов Давида: «Когда я взываю, услышь меня, Боже правды моей!» (Пс. 4: 2); «Услышь, Господи, правду, внимли воплю моему, прими мольбу из уст нелживых. От Твоего лица суд мне да изыдет; да въззрят очи Твои на правоту» (Пс. 16: 1–2); «Вступишь, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мной, побори борющихся со мною... Суди меня по правде Твоей, Господи, Боже мой, и да не торжествуют он надо мною» (Пс. 34: 1, 24); «Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше, все надеющихся на Господа» (Пс. 30: 25); «Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила. Не надежен конь для спасения, не избавит великою силою своею. Вот, око Господне на боящимися Его и уповающими на милость Его...» (Пс. 32: 16–18).

Кроме того, указанные выше рассуждения о пренебрежении советам старших могут быть также связаны с библейской традицией. В частности, в Ветхом Завете повествуется о деятельности царя Ровоама, занявшего престол после Соломона: «Царь Ровоам советовался со старцами, которые предстояли перед Соломоном, отцом его, при жизни его... Но он пренебрег совет старцев, что они советовали ему, и советовался с молодыми людьми, которые выросли вместе с ним и которые предстояли перед ним... И отвечал царь народу сурово и пренебрег совет старцев, что ни ему советовали» (3 Цар. 12: 6, 8, 13). И советовался царь Ровоам со старейшинами, которые предстояли пред лицом Соломона, отца его, при жизни его... Но он оставил совет старейшин, который они давали ему, и стал советовать с людьми молодыми, которые выросли вместе с ним, предстоящими пред лицом его... Тогда царь отвечал им сурово, ибо оставил царь Ровоам совет старейшин, и говорил им по совету молодых людей» (2 Пар. 10: 6, 8, 13). В конечном итоге, царствование Ровоама не было удачным.

Однако не исключено, что данные сентенции тесно связаны с эсхатологическими мотивами. В частности, при описании приближения «последних времен» в книге пророка Исаии отмечается от имени Всевышнего следующее: «И дам им

²¹ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея. С. 252.

²² ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. С. 480–481.

(иудеям – Ю. С.) отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними. И в народе один будет угнетаем другим, и каждый – ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолюдин над вельможею» (Ис.3: 4–5). В результате, «Мужи твои падут от меча, и храбрые твои – на войне. И будут вздыхать и плакать ворота столицы, и будет она сидеть на земле опустошенная» (Ис.3: 24–25).

Таким образом, ордынская, литовская и внутренняя политика Василия I в данных памятниках, относящихся к тверской письменной традиции, возможно, косвенно отождествлялась с деятельностью библейского царя Ровоама. И, соответственно, отец московского князя Дмитрий Донской (и его соответствующая политика) должен был приравниваться к отцу Ровоама мудрому Соломону. По мнению Я. С. Лурье, оценки «Повести...» в основном отражают позиции человека, тесно связанного с московским великокняжеским двором, но осуждающего политику Василия I в начале XV в.²³

При всем этом Русь как православное государство вообще считается процветающим. То есть, автор или редактор летописей тверского происхождения подразумевал, что русские люди более не наказываются Богом пленением, подобным ветхозаветному Вавилонскому плену.

Русь, в свою очередь, предстает как богосохраняемая страна, которая миром украшаемая и добротами преисполненная, где христиане благоденствуют.

Причины военного вторжения подробно изложены в послании (или ярлыке) Едигея Василию Дмитриевичу, ранний текст которого помещен в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях.

Однако отношение исследователей к сведениям, содержащимся в «ярлыке Едигея», неоднозначно. Если Л. В. Черепнин считал послание «литературно обработанным ярлыком»²⁴, а Я. С. Лурье отмечал, что ярлык, «по всей видимости, подлинный»²⁵, то Ч. Дж. Гальперин называл его подделкой²⁶.

В специально посвященном посланию Едигея исследовании А. П. Григорьев приходит к выводу, что послание «было написано не Едигеем и не по его распоряжению. Письмо сочинил русский автор к моменту или в процессе составления не дошедшего до нас летописного “свода 1448 г.”». Также автор отмечает: «”Письмо Едигея” – русский политический памфлет середины XV в. ...Его прямые показания о событиях ордынского нашествия 1408 г. весьма скудны и в высшей степени сомнительны. Во всяком случае, то небольшое, что уже почерпнули отечественные историки из “Письма Едигея” подлежит полному пересмотру»²⁷.

Однако А. А. Горский в своей работе, посвященной московско-ордынским отношениям, подверг критике аргументацию А. П. Григорьева. Автор пришел к выводу, «что серьезных аргументов против подлинности послания Едигея не выдвинуто» и «дошедшие до нас тексты являют собой его варианты, подвергшиеся редактированию»²⁸.

²³ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея. С. 198.

²⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 730.

²⁵ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея. С. 199.

²⁶ Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986. P. 134, 165.

²⁷ Григорьев А. П. «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. М., 1988. Вып. 11. С. 92–93.

²⁸ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 131.

Таким образом, послание датируется исследователями не позже середины XV столетия. При этом вопрос о подлинности послания для поставленной нами проблемы не является первоочередным: был ли «ярлык» составлен в ордынской канцелярии или являлся русским памфлетом (или же подвергся литературной обработке), в любом случае он содержит сведения о представлениях об образе власти Орды над Русью и развитии русско-ордынских отношений в XV в.

Основой концепции власти ордынского хана над московским княжеством в послании является отсылка к сложившейся в прошлом системе взаимоотношений: «А переже сего оулуйсь былъ, и сю дръжаву держал да и пошлину, инех царевых послов честилъ, а гости дръжали без истомы и без обиды»²⁹. Тогда как теперь «...торговци и послы царевы приездят, и вы царевых послов на смех подымаете, а торговцовъ тако же на смех подымаете, да велика имъ истома чинится оу тебе: и то все не добро»³⁰.

Верховным правителем московского княжества обозначается ордынский хан, а князь лишь распоряжается землей по милости хана: «Над великим царевымъ улусомъ старейшии еси великыи князь, а вси твои дела не добры»³¹.

Однако от имени Едигея отмечается нарушение принципа получения русскими князьями инвеституры в Орде: «Тако Темиръ сель на царстве, учинился улусоу господарь, тако от тех меств оу царя въ Орде еси не бываль, царя еси не видал, ни князеи, ни старейших бояръ, ни менших, ни оного еси не присылываль. Тако ся то царство минуло, и потом Шадибекъ осмь летъ царствовалъ; у того еси тако же не бывал, ни брата, ни сына, ни с которымъ словомъ не посылаваль. Шадибеково царство тако ся минуло, а нынеча Булатъ сель на царстве, оуже трети годъ царствуетъ; тако же еси не бываль, ни сына, ни брата и старейшаго боярина [не присылывал]»³².

Далее Идигу (Едигей) упрекает Василия в приостановке великим князем московским выплаты в Орду дани: «А како к намъ шлешь ежелеть жалобы и жалобные грамоты. А ркучи тако, что “ся улоусъ истомилъ. Выхода взятии не на чем?”» «...а что еси ималь в своей державе съ всякого улуса с двою сохъ рубль, и то пак серебро где ся деваает?»³³.

Таким образом, система ордынского владычества на Руси в «Послании Едигея» выглядит вполне традиционно. Отсылками на старину она легитимизируется. Власть ордынского хана представляется верховной, царской властью, то есть на порядок выше великокняжеской власти московского государя. Именно ордынский хан имеет исключительное право распоряжения княжескими владениями.

Московский князь, для получения возможности распоряжаться своим княжеством обязан лично явиться к хану и выразить признание его власти. В случае затруднения такого шага, он должен был отправить в степь уполномоченных послов. Их статус должен быть достаточно высок. Это должен быть либо князь (брат или сын) либо боярин (старейший или меньший); в крайнем случае – «иной кто» (обычно к хану направлялись киличи, у которых был особый посольский статус). При этом в Московском княжестве ханские послы должны приниматься с честью, а ордынские купцы содержаться «без истомы и без обиды». Немало-

²⁹ Послание Едигея великому князю Василию Дмитриевичу // Горский А. А. Москва и Орда. Приложение II. С. 197.

³⁰ Там же. С. 196–197.

³¹ Там же. С. 197.

³² Там же.

³³ Там же.

важной частью осуществления суверенитета ордынского хана в русских землях является взимание «выхода», размер которого обозначен как «с двою сохъ рубль».

При этом все содержание «Послания Едигея» подчеркивает нарушения всех сложившихся ранее принципов зависимости Москвы от Орды.

Таким образом, ко второй четверти XV столетия Орда рассматривается как соседнее доминирующее и опасное государство. Показателен в этом плане тот факт, что в «Повести о нашествии Едигея» взаимоотношения Руси и Орды выступают не в форме отношений государства-завоевателя к государству побежденному, а в форме союзно-договорных связей между двумя самостоятельными политическими образованиями. Правда главенствующую роль среди них занимает еще Орда. Очевидно, как это точно отмечено Л. В. Черепниным, «к подобной международной системе стремилась Русь после Куликовской битвы, и этот политический идеал временами, казалось был близок к осуществлению»³⁴.

---

³⁴ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства. С. 724.